

конструкции; согласование по морфологическим категориям (рода, числа, падежа) с существительными: (*in die Weibblattische Zementenfabrik*: -e для ед.ч., ж.р., вин.п., слабый тип склонения прилагательных; *ein Schultesches Pferd*: -es для ед.ч., ср.р., вин.п., смешанный тип склонения).

Набор грамматических категорий, приписываемых прилагательным, разнообразен и зависит от способа описания. Так, помимо характерных для качественных прилагательных категорий степеней сравнения, категории интенсивности, выделяется еще и категория атрибутивности/неатрибутивности (А.А.Зализняк), предикативного/непредикативного характера признака (В.Г.Гак), категория притяжательности (В. В. Виноградов) (БЭС, 1998: 398).

ИС, перешедшие в прилагательные, имеют неполную морфологическую парадигму, т.к. не образуют степеней сравнения. Категория притяжательности является для них основной. В содержательном плане они выражают отношения родства, так как в семантической структуре этих слов имеется релятивная сема.

Таким образом, выделенные типы словообразовательной апеллативизации ИС говорят о большом потенциале ИС в пополнении лексикона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блумфилд Л. Язык. -М., 1968.
2. Болотов В.И. Множественное число имени собственного и апеллатива. - М.: Наука, 1978.
3. БЭС: Большой энциклопедический словарь. -М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Москальская О.И. Грамматика немецкого языка. -М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
5. Мурясов Р.З. Антропонимы в словообразовательной системе языка// Вопросы языкознания, 1982, № 3.
6. Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии языка. -Харьков: Основа, 1990.
7. Теория и методика ономастических исследований. -М.: Наука, 1986.
8. Hellfritzsch Volkmar, Namen als stilistisches Mittel des Humors und der Satire, Sprachpflege, 1968/10.
9. Roessler Rodolf, Eigennamen als Gattungsnamen, Sprachpflege, 1967/4.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ В ЯЗЫКЕ

С.Я.Янутик
Белгород

Проблема языковой нормы связана с практическими задачами культуры речи и отчасти входит в круг общих проблем теории языка.

Под нормой понимается “совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации” (ЛЭС, 1990: 337). Норма выступает как сово-

купность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом; она является специфичным признаком литературного языка.

Если языковая норма связана с речевой практикой, то возникает вопрос об отношениях общей языковой нормы к конкретным типам речи, к речевым стилям. Если "литературность" выражения является необходимым признаком языковой нормы, то возникает вопрос, одинаков ли объем понятий "норма" и "литературность".

Норма, обращенная к речевой практике - это, по определению С.И.Ожегова, "совокупность наиболее пригодных ("правильных", "предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа существующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов" (Ожегов, 1955: 15).

Сказанное позволяет подчеркнуть, что "нормативность", "правильность" - это самый общий признак литературного языка, не только условно приписываемый ему, но и, в известном смысле, присущий ему.

В лингвистике существуют два взгляда на "литературность". Исходя из структурных признаков и практики речевого употребления, различают монолог и реплики. Л.В.Щерба писал: "... структура реплик... и структура монолога... совершенно разные" (Щерба, 1957: 115). Репликам не свойственны сложные предложения, они часто содержат неполные номинативные предложения. В монологе, как правило, употребляются синтаксически сложные предложения.

Однако этот структурный признак зависит не только от формы речевой деятельности, но и от характера языковой подсистемы, которой пользуется говорящий. Известно, что сложные синтаксические конструкции присущи системе литературного языка, и прежде всего его письменной форме, на базе которой нередко строится наша устная монологическая речь. Что же касается монолога в устах носителей местных, областных диалектов, то он, хотя и обнаруживает специфические признаки построения (например, последовательность в развертывании содержания высказывания), но стоит значительно ближе к репликам.

Принимая структурный признак как общий показатель "литературности", мы тем самым в известной степени наделяем качеством "литературности" и живую монологическую речь носителей местных диалектов, а также речь, например, в повествовательных жанрах старого фольклора, хотя она и бывает органически связана с системами тех или иных местных говоров.

Другой подход в понимании "литературности" лучше всего назвать функциональным. В этом смысле "литературность" выступает признаком обработанной разновидности общенародного языка, способной выполнять сложные

функции в многообразных сферах общения людей. “Литературно” то, что вошло в кодифицированную систему литературного языка как более совершенную формацию в сравнении с одновременно существующими местными диалектами и что в качестве таковой является всеобщим и обязательным образцом. По функциональному признаку литературный язык противопоставляется местным диалектам, социальная сфера применения которых весьма ограничена.

Консервативность “языкового идеала” неминуемо приводит к конфликтам между грамматическими, произносительными или лексикографическими сводами “законодательных установлений” и новыми явлениями, еще не узаконенными, но уже достаточно укоренившимися в практике литературной речи. Часто, несмотря на запреты и преграды, языковые факты могут получить столь широкое признание, что указания на их “неправильность”, “нелитературность” вызывает у многих носителей литературного языка только недоразумение.

Конфликты между “законом” и литературным речевым “бытом” имеются в различных сферах литературной нормы - в орфоэпии, грамматике, лексике.

Если же попытки распространения определенного образца “идеальной” речи отражают узколичные или групповые воззрения и идут вразрез с объективными закономерностями языкового развития, то они бывают, как правило, бессильны изменить направление исторических судеб литературного языка. Найденная таким путем “норма” не получает всеобщего признания, хотя она и может лечь в основу литературно-художественных опытов автора.

Кроме того, произведения художественной литературы, отражающие состояние языка в каждую данную эпоху, не могут выступать образцом в иные исторические периоды вследствие изменчивости языка и вызванной ею естественной смены одних норм другими. Да и сами границы между “литературным” и “нелитературным” в историческом развитии языка бывают очень зыбкими.

Несмотря на различное отношение к оценкам языка, полезность нормативных установлений ничуть не отвергается даже теми, кто признает, что “убеждение в существовании объективной, обязательной “нормы” для каждого языкового явления и необходимости этой нормы для самого существования языка есть характерный признак его житейско-интеллигентского понимания” (Ушаков, 1928:5). Итак, природа языка, вечно творимого, пребывающего в постоянном движении, не позволяет ему вылиться в неизменную форму единого типового образца. Стандартность единого литературного языка не исключает. а предполагает определенное “многообразие в единстве”. Всем хорошо известно, что грамматика не в силах осуществить свой логический идеал - “иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точно очертания, как алгебра, в которой любая формула, раз установленная, остается неизменной во всех случаях” (Вандриес, 1977: 149-150).

Но в практическом употреблении языковая норма является реальностью и запечатлевается в нормативных словарях и грамматиках современного лите-

ратурного языка. Реальность нормы - это реальность языковой системы, преобладающей в относительной устойчивости, в колеблющемся равновесии.

Общие нормы данного языка охватывают все его типы, виды, стилистические разновидности, соответствующие данному отрезку времени. Но сложный характер языка, многообразие его использования, разные качественные признаки форм речи, зависящие от целей высказывания и социальных условий речевой деятельности, заставляют признавать общую языковую норму хотя и единой, но не единственной.

Творческие элементы содержатся в других видах речевой деятельности, прежде всего там, где литературно-языковая норма сталкивается с живой речевой стихией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. - М., 1977.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи// Вопросы культуры речи. Вып. 1. -М., 1955.
4. Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи// Русская речь: Новая серия. Вып. II, -Л., 1929.
5. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык. Избранные работы по русскому языку. -М., 1957.

A LANGUAGE EVER CHANGING: REGIONAL AND INTERNATIONAL VARIATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Clarence B. Davis, Ph.D.
Fond du Lac, USA

The English language presents a sort of "moving target" for anyone who wishes to study it, for it is always changing. For one thing, the language is no single group's possession, for usage of English is spread all over the world. The total native speakers of English on the planet may number more than 400 million. Given that there are also at least 400 million people globally who use English as a second language with facility, it is not surprising to find an incredible array of nuances or variations in speech among more than 800 million speakers of the language.

Some linguists have suggested that English is becoming more fragmented. In particular, they suggest that British and American English are moving steadily apart; that within one or two centuries the inhabitants of London and New York will no longer be mutually intelligible to one another. Some might observe that this is true already regarding, say, the inhabitants of Stepney, in the East End of London, and Red Hook, in the New York borough of Brooklyn. But most of the differences are